

«Желал бы получить работу
в одной из теплых республик нашего Союза»
Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина.
Часть первая

В.И. Шаронов

*Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Калининград, Россия,
sharonovi@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой первую часть реконструкции обстоятельств послевоенной жизни Л.П. Карсавина и И.Л. Карсавиной в Вильнюсе с июля 1944 по июль 1949 г. На строго документальной основе показывается, как изначально недоверие сотрудников органов безопасности по отношению к бывшему идеологу евразийства Льву Карсавину оформилось в цепочку последовательных попыток Льва Платоновича и Ирины Львовны найти свое место в послевоенной советской действительности, но закончилось трагедиями в жизни каждого члена семьи Карсавиных. Она была во многом предопределена непреодолимыми противоречиями между христианскими воззрениями мыслителя, тяжелым заболеванием его дочери и ставкой крайне идеологизированной государственной власти на репрессивное, силовое устранение любых проявлений инакомыслия и несогласия с политическим курсом, дополнительно обостренных сложнейшей послевоенной обстановкой в Литве. Статья вводит в научный оборот многие ранее неизвестные документы, имеющие важное значение для истории русской философии.

Ключевые слова: Лев Карсавин, Жан-Поль Сартр, Ирина Карсавина, Василий Сеземан, Петр Савицкий, классическое евразийство, история русской религиозной философии

Для цитирования: Шаронов В.И. «Желал бы получить работу в одной из теплых республик нашего Союза». Новые материалы к биографии Л.П. Карсавина. Часть первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. Ч. 2. С. 246–268. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-246-268

“I would like to get a job
in one of the warm republics of the Soviet Union”
New materials for the biography of L.P. Karsavin.
Part One

Vladimir I. Sharonov

*Western branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Kaliningrad, Russia,
sharonovvi@gmail.com*

Abstract. The article is the first part of the reconstruction of the circumstances of the post-war life of L.P. Karsavin and I.L. Karsavina in Vilnius from July 1944 to July 1949. On a strictly documentary basis, the author methodically shows how the initial distrust of security officials towards the former ideologist of Eurasianism Lev Karsavin took shape in a chain of successive attempts by Lev Platonovich and Irina Lvovna to find their place in post-war Soviet reality, but ended in life tragedies for every member of the Karsavin family. They were largely predetermined by the insurmountable contradictions between the Christian views of the thinker, the serious illness of his daughter and the stake of the extremely ideologized state power on the repressive, forceful elimination of any manifestations of dissent and disagreement with the political course, that were further aggravated by the most difficult post-war situation in Lithuania. The author introduces into the scientific circulation many previously unknown documents of great importance for the history of Russian philosophy.

Keywords: Lev Karsavin, J.-P. Sartre, Irina Karsavina, Vasily Seseman, Peter Savitsky, classical Eurasianism, history of Russian religious philosophy

For citation: Sharonov, V.I. (2023), “ ‘I would like to get a job in one of the warm republics of the Soviet Union’. New materials for the biography of L.P. Karsavin. Part one”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, part 2, pp. 246–268, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-246-268

Конечный адрес жизненного пути Льва Платоновича Карсавина – станция Абезь в Коми АССР – указан во всех справочных зарубежных и отечественных изданиях научного и популярного характера. В качестве еще одной знаковой биографической точки сообщается о дате ареста этого русского ученого, религиозного философа и поэта – 9 июля 1949 г. Однако сведения об обстоятельствах, предшествовавших этому событию и подкрепленные

документально, отсутствуют. Последнее не случайно, поскольку точечные сообщения о них рассыпаны по сотням страниц самых разных документов, хранящихся в литовских архивах. По настоящий день нет даже внятного изложения основных вех послевоенной биографии Карсавина в период с 1944 по 1949 г. Если попытаться свести основные сообщения о его жизни в этом интервале, имеющиеся к настоящему времени в отечественных и литовских источниках, результат будет пестрить обилием противоречий и несовпадений, очевидными фантазиями¹ и несуразностями. Общим для всех его разноформатных элементов, пожалуй, будет только один признак – уже упомянутое отсутствие ссылок на документы, подтверждающие то или иное утверждение.

Существующая лакуна в биографии одного из самых значительных фигур отечественной мысли – определенный нонсенс в истории русской философии, тем более что российские исследователи в течение трех десятилетий имели свободный доступ к литовским архивам, и только недавно они стали нам недоступны. Конечно, полноценная работа в этих архивах и раньше предполагала знание литовского языка, чтобы свободно ориентироваться в обширных каталогах фондов, ведь многое из имеющего прямое отношение к жизни Карсавина находится в собраниях документов лиц, непосредственно с ним связанных.

Несколько лет назад в одну из очередных поездок в Вильнюс счастливая возможность принять помощь старшего друга – светлой памяти Георгия Васильевича Сеземана², свободно владевшего литовским, помогла автору настоящей публикации в основном восстановить недостающую цепь событий послевоенного периода жизни Льва Платоновича и его семьи в Литве. Георгий Сеземан был очень заинтересованным исследователем биографии своего

¹ Пример таких фантазий легко обнаружить в Сети в многократной растиражированной статье «Русский философ в Литве: A CASE STUDY. Как становятся “Литовским Платоном”». В ней среди прочего собраны «свидетельства очевидцев», густо замешанные на капризах памяти и романтической загрузкой образа Карсавина вкупе с очевидной идеализацией литовского периода его жизни. По-человечески понятно желание уважаемого автора сохранить хоть какие-то живые воспоминания, но большинство их, к сожалению, приходится относить к жанру личного литературного творчества на основе слухов и множественных пересказов. См.: [Хоружий 2008].

² *Сеземан Георгий Васильевич* (1945–2022), советский, литовский химик-технолог, канд. хим. наук.

именитого отца – профессора Василия Эмильевича Сеземана³, дружившего с Карсавиным в Каунасе и Вильнюсе. Судьбы этих русских профессоров Каунасского, а затем и Вильнюсского университетов были тесно связаны, а необоснованные преследования не только имели общие причины, но и высветили высоту духовных качеств каждого.

Первое, что обращает на себя внимание, это несовпадающее по скорости и жесткости реагирование органов советской власти на двух равных по степени влиятельности идеологов евразийства – П.Н. Савицкого⁴ и Л.П. Карсавина. Оба они оказались в положении граждан СССР, как только Красная армия с боями взяла Вильнюс, а затем Прагу, и это означало почти что мгновенную их настигаемость репрессивной партийно-государственной машиной. С Савицким так и произошло: он был арестован 21 мая

³ *Сеземан Василий Эмильевич* (1884–1963), философ, публицист. В 1909 г. выпускник Санкт-Петербургского университета, где сдружился с Николаем Гартманом (1882–1950). В 1909 г. командирован в Германию, изучал философию в Марбурге и Берлине. С 1913 г. приват-доцент Петербургского университета. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, с 1922 г. жил в Германии, с 1923 г. по приглашению работал в Каунасском университете, с 1940 г. профессор Вильнюсского университета. Регулярно участвовал в евразийских изданиях, в том числе под псевдонимом В. Чухнин. В 1946–1947 гг. оказывал материальную помощь Савицкому, находящемуся в заключении. В 1947 г. оформил советское гражданство. В 1950 г. арестован, приговорен к 15 годам заключения. В 1956 г. освобожден, в 1958 г. реабилитирован. До самой смерти преподавал логику и эстетику в Вильнюсском университете.

⁴ *Савицкий Петр Николаевич* (1895–1968), географ, экономист, геополитик, поэт, один из основателей и теоретиков евразийства. Юность провел в родном Чернигове, опубликовал много статей по краеведению и народному искусству. Воспитанник Петроградского политехнического института имени Петра Великого. Входил в правительства Деникина и Врангеля. Эмигрировал в Константинополь, затем перебрался в Болгарию и в 1921 г. в Чехословакию, где получил место приват-доцента русского юридического факультета в Праге. В 1921 г. сблизился с Н.С. Трубецким и посвятил себя евразийскому движению. После размежевания с «левым» крылом евразийства был единоличным лидером оставшейся части движения. В годы Великой Отечественной войны работал директором гимназии в оккупированной немцами Праге. С 1945 по 1956 г. отбывал наказание по ст. 58 УК РСФСР в Дубровлаг. После освобождения вернулся в Чехословакию, где еще раз арестовывался властями страны за публицистическую деятельность в зарубежных изданиях, но вскоре был отпущен.

1945 г., т. е. всего через десять дней после освобождения Праги⁵. А вот Карсавина большевистская власть, казалось бы, необъяснимым образом «терпела» целых пять (!) лет, приняв решение об аресте только 6 июля 1949 г.⁶

Конечно, рядом с этим вопросом сам собой возникает и второй: по каким причинам сам Карсавин принял решение остаться в Вильнюсе и не уехал, как мог бы, во Францию, несмотря на уговоры В. Креве-Мицкявичюса и др. Русская исследовательница из Литвы И.С. Арефьева⁷ зафиксировала воспоминания об этом дочери Л.П. Карсавина Сусанны Львовны:

⁵ И это при том, что, как обоснованно предполагает М.В. Соколов на основании материалов Следственного дела П.Н. Савицкого, последний заключил со следователями своеобразную сделку об откровенных показаниях в обмен на спасение от голодной смерти оставшейся на свободе семьи [Соколов 2015, с. 505–506].

⁶ Ошибки нет: именно 06.07.1949 г. были поставлены первые подписи под Постановлением на арест и Постановлением об избрании меры пресечения Л.П. Карсавина, 07.07.1949 г. оба документа санкционировал прокурор Литовской ССР. Арест был произведен 08.07.1949 г. Самого арестованного познакомили под роспись с Постановлением об избрании меры пресечения на следующий день после ареста. См.: Уголовное (следственное) дело Л. Карсавина. L. Karsavino baudžiamoji byla / Lietuvos upratingasis archyvas (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, б. П-11972-ЛИ. (Далее: Дело Карсавина). Л. 2, 2об.; 3, 3об.

К делу приложены три пакета с отдельно нумерованными документами. На каждом из трех пакетов имеются рукописные надписи синими чернилами – соответственно «№ 1. Вещественные доказательства арестованного Карсавина Л.П.», «№ 2. Вещественные доказательства арестованного Карсавина Л.П.», Пакет № 3 с надписью «Для председательствующего на особом Советании при МГБ СССР». Рукописная пагинация документов в Деле выполнена простым карандашом, в пакетах исполнена чернилами или карандашом, всегда двойная – частично числовая, частично буквенно-числовая, во всех случаях через дефис. Пакеты с документами в Деле Карсавина далее соответственно именуется «Пакет № 1», «Пакет № 2», «Пакет № 3».

В настоящей статье при цитировании архивных документов или указании их названий в сносках воспроизводится орфография, стилистика и пунктуация, использование строчных и прописных букв, а также прямых и наклонных шрифтов, подчеркиваний в том виде, в каком все это используется в первоисточниках.

⁷ Литовский журналист-исследователь *Ирина Степановна Арефьева* (1943–2020) получила доступ к документам архивов в 1990-х гг. одной из первых. В то время бóльшая их часть была не разобрана и не описана,

Из Каунаса приехал давнишний знакомый отца профессор Винцас Креве. Но Лев Платонович наотрез отказывался ехать с коллегами: «Почему?» – никак не мог понять В. Креве. – «Потому, что русские победили». – «Ну и что из этого?» – «Победа должна сделать их лучше», – рассуждал Карсавин. – «Напротив, – возражал В. Креве, – они должны стать хуже и еще больше кусаться...» – «Не думаю, – отвечал Лев Платонович, – они должны измениться»⁸.

При этом и он, и власть не могли забыть такого капитального факта, как то, что высылка произошла при самом активном личном участии В.И. Ленина и сопровождалась предупреждением каждого изгнанника о расстреле в случае возвращения назад в СССР. По словам Сусанны Львовны, помнили и родные Льва Платоновича: «Уговаривали отца ехать и мать с Ириной, предчувствуя, что нас ждет с приходом большевиков». «Не жди, – говорила мать, – второй раз они нас не помилуют, как в 1922 году»⁹.

Трудно заподозрить чекистов в какой-либо лояльности по отношению к Карсавину, ее и не было: секретное наблюдение за ним производилось еще с 1939 по 1940 г., когда было открыто и добросовестно заполнялось специальное персональное оперативное дело¹⁰. Так, например, 6 декабря 1940 г. в эту папку легло секретное донесение:

документы выдавались и принимались обратно на хранение целыми папками с пакетами без должного учета содержащихся в них листов. В результате некоторые документы, содержащие важные сведения об обстоятельствах судьбы Л.П. и И.Л. Карсавиных, или утеряны, или по ошибке при возвращении положены не в свои архивные дела. Тщательное сличение автором настоящей статьи процитированных И.С. Арефьевой источников с другими сохранившимися до настоящего времени архивными документами подтверждает точность использованных ею цитат. Это дало нам основание считать достоверными цитаты и из не обнаруженных нами документов, цитируемых литовской исследовательницей.

⁸ *Арефьева И.С.* Дело «Алхимика» Карсавина // Живой колос с духовной нивы. Русские Литвы: история, культура, религия. 15.01.2007 – 28.10.2007. URL: <https://web.archive.org/web/20070115134144/http://www.kolos.lt/rassledovanija/index.html> (дата обращения 19 ноября 2023).

⁹ Там же.

¹⁰ МЕМОРАНДУМ. По материалам дела-формуляр «АЛХИМИК» // Пакет № 2. Л. 8–15. Машинопись. Далее: Меморандум Карсавина. Текст машинописный табличный: в левом столбце агентурное имя «Источника» [агента или осведомителя] и дата донесения; в правом – перепечатанный текст сообщения. Пагинация двойная, рукописная, проставлена, вероятнее всего, следователем.

В своих лекциях КАРСАВИН делает выводы, противоречащие основам марксизма-ленинизма, например, он утверждает, что в древние времена не было классовой борьбы и классовая борьба началась только в 19-м веке, что немецкая нация не способна к революции, а национальная вражда происходит не на базе эксплуатации¹¹.

Как только Вильнюс 13 июля 1944 г. был освобожден и стал контролироваться силами литовского управления НКВД/МГБ¹², прежний режим надзора был восстановлен¹³, и копии довоенных документов из центральных архивов ведомства были доставлены в Литву.

10 октября 1944 г. один из осведомителей, закрепленных за Львом Платоновичем, сообщил, что Карсавин рассказал ему о своем визите в управление НКВД/МГБ Литовской ССР. Формальным предлогом вызова была пропажа ценных вещей, вывезенных, по сведениям чекистов, бывшим директором художественного музея. В действительности разговор быстро перешел к настойчивым предложениям стать осведомителем, сопровождавшимся угрозой ареста в случае отказа¹⁴.

Скорее всего, проницательный Карсавин разглядел тайную миссию собеседника и в качестве паллиатива допустил дозированную конкретику в отношении профессорского состава Вильнюсского университета. В секретном донесении слова Льва Платоновича приведены дословно, но перепечатаны в сводную обзорную записку с грубыми ошибками:

Они настроены по отношению к новой России с глухой, а иногда и неглухой враждебностью. Это глубоко националистический и шовинистический народец. <...>

Если ставить вопрос во всей широте и откровенности, то главный узел литовского национализма среди профессуры и ученых кругов следует искать в Наркомпросе Литвы в лице наркома ЖУГЖДА¹⁵.

¹¹ МЕМОРАНДУМ.

¹² Сочетание аббревиатуры НКВД/МГБ в настоящей статье используется условно во избежание путаницы с разными наименованиями вследствие череды реорганизаций органа государственной безопасности с 1934 по 1953 г.: НКВД – НКГБ – НКВД – МГБ.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 8-15–8-16.

¹⁵ *Жюгжда Юозас Ионович* (1893–1979), советский хозяйственный, государственный и политический деятель, член ВКП(б) с 1947 г. Выпускник Московского университета. Прошел путь от учителя до вице-президента

Именно от Наркомпроса исходят назначения густо отдающие шовинизмом и гонением на нелитовских профессоров и ученых. Например, русские ученые АБРАМОВИЧ¹⁶ и СОКОЛОВ¹⁷, знающие и способные люди, остаются не у дел, а малознающий КАРСАКАС¹⁸ выдвигается на ответственную работу.

Эта последовательная и твердо проводящаяся линия исходит от ЖУГЖДЫ...

АН Литовской ССР, директора института истории АН Литовской ССР. С 1944 по 1949 г. был народным комиссаром и министром просвещения ЛССР. Отсутствие специального исторического образования и степени не помешало ему преподавать историю в Вильнюсском университете с 1944 по 1949 г.

По мнению литовского академика В. Меркиса, много лет работавшего с Ю.И. Жюгждой, последний был двуличным приспособленцем, глубоко неискренним в своих идеологических и национальных взглядах, см.: [Lietuvos istorijos 2012].

¹⁶ *Абрамович Дмитрий Иванович* (1873–1955), историк русской литературы, филолог-славист и палеограф, источниковед, член-корреспондент АН РСФСР, затем СССР. Воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии. С 1927 по 1932 г. был заключенным Соловецкого лагеря. С 1944 г. преподавал историю русского литературного языка в Вильнюсском университете.

После войны Д.И. Абрамович занимал одну комнату непосредственно в профессорской квартире Л.П. Карсавина [Кулешов 1995, с. 174]. Этот факт также подтверждается документальным источником: ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Обвиняемого КАРСАВИНА Льва Платоновича 29 октября 1949 года // Дело Карсавина. Л. 176.

¹⁷ *Соколов Йонас* (1892–1966), литовский филолог, педагог и поэт. Выпускник Московского университета. С 1944 г. старший преподаватель, затем доцент Вильнюсского университета. В 1945 г. возглавил кафедру русского языка, но почти сразу по необъявленным причинам был уволен с работы. Вскоре восстановлен. В 1950 г. вновь был уволен как не обеспечивший преподавание на основе марксизма-ленинизма.

¹⁸ *Карсакас Костас Пранович* (1909–1986), литовский советский поэт, критик, литературовед и общественный деятель, академик Академии наук Литовской ССР с 1949 г. В 1944 г. был профессором кафедры литовской литературы Вильнюсского университета и тогда же стал деканом историко-филологического факультета, оставался таковым до 1956 г. Одновременно с 1946 г. работал директором Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР. С 1959 по 1963 г. был заместителем председателя Верховного Совета Литовской ССР.

В состоявшейся беседе, происходившей на квартире КАРСАВИНА, последний, определяя состояние дел в Вильнюсском Госуниверситете, заявил, что состав профессоров не отвечает даже минимальным требованиям высшего учебного заведения. Он указал, что Наркомпрос грубо и неумело проводит в профессора людей, которые явно не доросли до профессорского звания. В пример КАРСАВИН привел БАЛЬДЖЮСА.

БАЛЬДЖЮСА КАРСАВИН охарактеризовал как человека невежественного, несоответствующего званию доцента¹⁹.

После того как при первой встрече Карсавин уклонился от сотрудничества, офицер стал докучать его посещениями. При этом майор все настойчивее требовал сведения о конкретных людях и продолжил всячески запугивать. Как можно понять по тексту доноса, Карсавин попытался вывернуться из щекотливого положения и решил задеть самолюбие офицера, чтобы отбить у того охоту для «доверительных» встреч. При очередном посещении Лев Платонович в глаза заявил своему визитеру:

КАРСАВИН заявил: «Я хорошо понимаю необходимость помогать органам государственной безопасности и как русский человек сам чувствую эту обязанность, в особенности в обстановке военного времени, но я не могу превратиться в сексота, в агентишку. Я готов помочь чем и как могу, но в таком случае мне хотелось бы иметь дело с человеком, который бы меня понимал. Все советские люди должны бороться с врагом и помогать органам и я недумаю отказываться помогать, но это нужно делать толково»²⁰.

Замысел Карсавина лично уязвить назойливого опекуна-вербовщика, по всей видимости, удался, поскольку в деле и сообщениях агентов нет больше упоминаний о вызовах и склонениях профессора к роли тайного осведомителя. Но какие бы заверения о своей лояльности Карсавин ни произносил, сотрудники НКВД/МГБ видели в нем только исключительно опасного, опытного и изворотливого противника, наверняка и скорее всего связанного с целой сетью скрытых злоумышленников, продолжавших борьбу с Советской властью и партией большевиков.

Роль и положение в евразийском движении Л.П. Карсавина была известна чекистам с 1920-х гг. – со времен деятельности секретных агентов, внедренных в ряды руководящего звена евра-

¹⁹ Меморандум Карсавина. Л. 8-17.

²⁰ Там же. Л. 8-16.

зийства во время известной операции «Трест»²¹. Дополнительную информацию о Карсавине как руководителе «Евразийской» организации²² следователи собрали еще до войны во время допросов своих эмиссаров, вернувшихся в СССР и позднее расстрелянных. Копии некоторых протоколов давних допросов также были получены из Москвы и приобщены к делу Карсавина²³.

Все эти довоенные архивные документы в отношении профессора Вильнюсского государственного университета Л.П. Карсавина только через пять лет после того, как он в очередной, третий раз вновь стал советским гражданином, обрели свои обличительные формулировки:

Карсавин Л.П. в 1922 году за участие в антисоветском саботаже среди ученых был выдворен из Петрограда за границу.

С 1922 по 1925 г. находясь за границей участвовал в антисоветской работе «Международного союза христианских молодых людей» и «Русского научного института», был связан с деятелями белой эмиграции ГЕСЕНОМ и профессором ИЛЬИНЫМ.

С 1925 по 1928 г. находясь в Париже, являлся одним из руководителей белогвардейской организации «Евразия», финансируемой английской разведкой «Интеллидженс сервис».

²¹ Операция «Трест» была многоходовой, виртуозно организованной с 1921 по конец 1920-х гг. контрразведывательной операцией ВЧК–ГПУ–ОГПУ. Для выявления зарубежных антибольшевистских организаций русской эмиграции и их разложения изнутри чекистами было создано декоративное, но по многим признакам убедительное «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР). Кадровые и вновь завербованные советские агенты с успехом почти десятилетие выполняли свою задачу. Движение евразийцев стало одной из жертв комбинаций, руководимых с Лубянки: оно раскололось на два идейно враждующих лагеря, чем потеряло перспективу развития, затем было дискредитировано и, наконец, прекратило всякую деятельность. Показательно, что только Л.П. Карсавин в середине 1920-х гг. первым понял, что связь с единомышленниками в СССР «это просто комбинация органов Советского Союза», и что в рядах евразийцев есть агенты ГПУ. См.: ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Обвиняемого КАРСАВИНА Льва Платоновича. 8 августа 1949 года // Дело Карсавина. Л. 57.

²² ПРОТОКОЛ ДОПРОСА обвиняемой КЛЕПИНИНОЙ-ЛЬВОВОЙ Антонины Николаевны от 27 декабря 1939 года // Дело Карсавина. 217–221.

²³ В частности, к Делу Карсавина были приобщены допросы А.П. Антипова, П.С. Арапова, А.А. Лангового, А.Г. Клепининой-Львовой и П.Н. Савицкого // Дело Карсавина. Л. 211–242. Пакет № 2. Л. 8-28–8-35.

Будучи редактором газеты «Евразия» печатал свои статьи религиозно-мистического и антисоветского содержания.

КАРСАВИН и другие участники «Евразийской» организации ставили ставку на антисоветские организации находящихся внутри Советского Союза, с помощью которых рассчитывали свергнуть советское правительство и захватить власть в свои руки...²⁴

Недоверие к профессору-идеалисту усиливалось дополнительно тем, что его офицеры НКВД/МГБ, занятые его оперативной разработкой, а затем следствием, были сравнительно молодыми людьми²⁵, а следовательно, воспитывались уже в духе воинствующего атеизма. Они относились к Церкви как к организации-инструменту, объекту изощенного обмана народа, и уже потому не состояниии были допустить искренность Льва Платоновича в его словах о патриотизме и самосознании русского человека. Карсавин же в общении с чекистами действительно следовал своим личным искренним убеждениям верного сына Православия и тому, к чему за все эти годы он пришел в своих размышлениях о России, душе народа и о самом себе. Позже в одном из своих писем Лев Платонович предельно просто и четко сформулировал мысль, постепенно овладевшую им в последние годы и прямо перекликавшуюся с позицией Сократа о нерасторжимости философии подлинного мыслителя и его жизни: «Мне же все представляется практической проверкой правильности моей философии»²⁶. Из всего написанного Львом Платоновичем за многие годы эта короткая фраза более всего дает ключ к разгадке его непонятого для многих решений остаться в Вильнюсе, и она совершенно не исключает наличия в его идеях и умозрениях множественных антиномий, в том числе связанных с пониманием и отношением к понятию «зло».

Как никто искушенный в богословии, философии и гуманитарных науках, Карсавин, конечно, осознавал, что в религиозных координатах его попытка переиграть репрессивную систему, не чуравшуюся любой хитрости, лжи, оговоров и доносов, имеет два

²⁴ Постановление (на арест). «УТВЕРЖДАЮ» МИНИСТР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛССР Генерал-майор /КАПРАЛОВ/ 6 июля 1949 г. Арест санкционирую Прокурор Литовской ССР Государ. Советн. Юстиции 3 класса /БАХАРОВ/ 7 июля 1949 г. / Дело Карсавина. Л. 2.

²⁵ На это указывают их звания капитанов и майоров, указанные в документах Дел Ирины и Льва Карсавиных.

²⁶ Письмо Л.П. Карсавина к жене Лидии Николаевне и дочери Сузанне. 21.02.1951 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета.) F. 138. Ap. 88.

прогноза. Согласно одному из них, прибегнув к лукавству, к полуправде, т. е. действуя пусть и частично по правилам темной силы, приняв их даже частично, тем самым он *уже побежден*, как отступивший от заповедей Христа: «если я совершаю зло “в силу необходимости”, я виноват и во зле и в том, что оно для меня оказалось необходимым»²⁷.

Но ведь Карсавин допускал и другой взгляд на ситуацию и другое теоретическое обоснование своего поведения: зло есть не что иное, как всего лишь «недостаток добра»²⁸ или, как позже он еще определеннее напишет в Абези, «малое добро»²⁹. Признание реальности зла и отказ от лжи даже в малом потребовало бы от православного Карсавина отвергнуть сотрудничество и быть, подобно Савицкому, немедленно арестованным. Взгляд же на зло как на недостаток добра, пусть духовно и уязвимо, но все же позволял Льву Платоновичу найти в нем санкцию на нравственный паллиатив, чтобы попытаться выиграть время: в самые сложные периоды своей жизни он был «как всегда склонен без особенных результатов ожидать непосредственных указаний от потустороннего мира»³⁰. Он, вне сомнений, понимал, что при любом решении на кону оказывается его собственная судьба, всегда помнил, что перед ним, как всяким человеком, исповедующим Христа, в любой момент жизни может встать необходимость жертвенного выбора. В отношении дочерей и жены он сделал его еще в 1922 г., подчинив свою жизнь их материальному благополучию³¹. Но и в Вильнюсе, решаясь на уловки в отношениях с сотрудниками НКВД/МГБ ради все того же благополучия и возможности быть рядом, поддерживать, Лев Платонович даже в мыслях не мог предположить куда более худшее развитие событий – что они заташат в жернова карательной машины и судьбу старшей дочери Ирины.

В советской контрразведке в Вильнюсе работали очень далекие от метафизики, крайне конкретные люди, но поведение

²⁷ Карсавин Л.П. Соч. Том VI. О началах. (Опыт христианской метафизики). Петербург: Scriptorium – МБРА:УМСА-Press, 1994. С. 268.

²⁸ Там же. С. 285.

²⁹ Карсавин Л.П. О совершенстве // Богословские труды. 2004. № 39. С. 281.

³⁰ Письмо Л.П. Карсавина к П.П. Сувчинскому. 7 июля 1926 г. // Дом русского зарубежья. Коллекция В. Аллоя. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 13–14.

³¹ Имеется в виду отказ от развода и нового брака с *Еленой Чеславовной Скржинской* (1894–1981), любовью всей жизни Льва Платоновича Карсавина, лирической героиней его работы “*Noctes Petropolitanae*” (1922), ставшей известным советским ученым-медиевистом.

Карсавина они истолковали пусть по-своему и даже формально адекватно, т. е. как вызов. Практика давно убедила их, что, если кто-то начинает хитрить с органами государственной безопасности, значит, такой человек скрывает что-то очень важное. Опыт «Треста» к 1940-м гг. был неоднократно проанализирован, обобщен и отточен в повторениях, и главные выводы из него чекистами были сделаны: в борьбе с белогвардейской «контрой», буржуазными идеологическими центрами тонкий сценарий, изолированная комбинация, замешанная на агентурной работе и перекрестных донесениях внедренных агентов, по реальной эффективности стократ превышает путь ареста и получения нужных показаний под страхом угроз, шантажа и пыток. Случай Карсавина – профессора, человека, по всем отзывам, большого и острого ума, явно не подпадал под определение обычного и требовал от чекистов тонкой работы. Помнить об этом заставляла еще и обстановка в послевоенной Советской Литве, где ситуация никак не укладывалась в черно-белую схему «хорошие против плохих», в том числе в звене руководящих кадров.

На освобожденной территории новой прибалтийской республики перед НКВД/МГБ Литвы были поставлены не только надуманные идеологические, но и вполне обоснованные государственные задачи: максимально быстро выявить и пресечь деятельность многочисленных вполне реальных преступников – скрывавшихся кадровых немецких военных, активных пособников фашистов из числа местного населения, настроенных на вооруженную борьбу групп подпольного националистического движения («лесных братьев»), лиц, работающих на зарубежные разведки, и т. д. На это накладывалось непростое отношение коренного населения к советской власти, помнящего о форсированно-силовой советизации 1939–1940 гг. К тому же заметная часть литовцев жила в надежде на скорый вооруженный конфликт между недавними союзниками и через него на восстановление старых порядков с помощью США и Великобритании³² и т. д. В результате исполнения решения ЦК ВКП(б) о «наращивании репрессивной компоненты»³³ и без того насыщенная недоверием атмосфера общественного пространства начала быстро сгущаться, и у НКВД/МГБ возникла потребность в наращивании агентурно-осведомительной сети. Объектами оперативной разработки становилось все большее количество людей, в их число вошли члены семьи Л.П. Карсавина и его ближайшее окружение.

³² См. подробнее: [Зубкова 2009].

³³ [Зубкова 2009, с. 222].

Старшая дочь Льва Платоновича Ирина привлекла к себе повышенное внимание контрразведки по многим причинам: проживала в Берлине, Париже, Лондоне³⁴. С осени 1938 г. до марта 1940 г. она работала машинисткой-стенографисткой в Консульстве Великобритании в Каунасе. Среди прочего по своим служебным обязанностям Ирина Львовна обязана была сверять автобиографии всех подавших заявления на визы в Англию и Палестину по секретной книге. В ней были списки тех, кого англичане подозревали причастными к деятельности разведок других стран³⁵. Наконец, и это сотрудники госбезопасности тоже знали, Ирина проходила лечение у каунасских и вильнюсских психиатров³⁶.

Психическая болезнь открылась у И.Л. Карсавиной еще в молодости. Недуг был настолько серьезным, что в 1928 г.³⁷, а затем с 1934 по 1937 г. она находилась на излечении в одной из самых престижных парижских клиник – больнице Св. Анны для душевнобольных³⁸ у одного из самых знаменитых европейских специалистов, А. Бореля³⁹. Доступ к деликатной информации о всех особенностях

³⁴ ПОСТАНОВЛЕНИЕ О продлении срока ведения следствия и содержания арестованной под стражей / от 9 мая 1948 г. / Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной. I. Karsavinos baudžiamoji byla (Уголовное дело И. Карсавиной) / Lietuvos ypatingasis archyvas (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, б. П-7394 ЛИ. Л. 139.

Далее: «Дело Карсавиной».

К Делу приложен пакет с рукописной надписью «Материалы» синими чернилами. В пакете имеются машинописные тексты переводов и обзоров статей в номерах журнала «Les Temps Modernes». Пагинация двойная, рукописная.

³⁵ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Арестованной КАРСАВИНОЙ Ирины Львовны От 18 марта 1948 г. // Дело Карсавиной. Ч. 1. Л. 33.

³⁶ Военному прокурору Литовского военного округа Республиканскому прокурору Литовской ССР Проф. Льва Платоновича Карсавина // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета.) Ф. 138. Ар. 33. С. 1. Документ исполнен рукой Л.П. Карсавина, в конце проставлена дата написания 29.III.1948 и имеется подпись: «Проф. др. Карсавин». Пагинация отсутствует. Далее именуется «Заявление прокурорам».

³⁷ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Арестованной КАРСАВИНОЙ Ирины Львовны. От 12 марта 1948 г. / Дело Карсавиной. Ч. 1. Л. 11.

³⁸ Краткая Автобиография // Дело Карсавиной. Ч. 2. Л. 1.

³⁹ *Ари Борель* (1886–1966), французский психиатр-психоаналитик. Пациентами Бореля были многие известные писатели и художники, в том числе Жорж Батай, Мишель Лерис и другие.

личности Карсавиной облегчил ее вербовку в качестве ценного потенциального осведомителя, и она получила конспиративное имя «Галина»⁴⁰. В агентурной справке на нее от 16.06.1948 г. значится:

На вербовку «Галина» пошла охотно, однако через несколько времени, симулируя неврастение, сотрудничать с МГБ категорически отказалась. Ценных материалов за время сотрудничества не дала, тогда как связи с интересующими нас лицами имела⁴¹.

Многие факты, рассыпанные по архивным документам И.Л. Карсавиной, Л.П. Карсавина, В.Э. Сеземана, дают основания утверждать, что устройство Ирины Львовны преподавателем английского языка для сотрудников МИД Литовской ССР было завязкой хорошо продуманного сценария – той самой «многоходовки» чекистов с целью оперативной разработки именно Льва Платоновича. На первый взгляд роковой характер сюжетной пружине обеспечил министр иностранных дел Павел Игнатьевич Ротомскис⁴². Он с демонстративным доверием, персональной опекой принял на работу в литерное ведомство Ирину Карсавину – скромного библиотекаря в Художественном институте и лектора общества «Знание» в Вильнюсском университете⁴³, имевшую очень сомнительную биографию в глазах сотрудников органов, обязательно проверявших личные дела при оформлении в соответствии

⁴⁰ Меморандум Карсавина. Л. 8-19.

⁴¹ *Арефьева И.С.* «Дело» Ирины Львовны Карсавиной // Живой колос с духовной нивы. Русские Литвы: история, культура, религия. 17.01.2007. URL: https://web.archive.org/web/20070117142832/http://www.kolos.lt/rassledovaniija/delo_iriny_karsavinoj.html (дата обращения 20 ноября 2023).

⁴² *Ротомскис Павел Игнатьевич* (1906–1962), советский дипломат и государственный деятель. С 1928 по 1938 г. находился в тюремном заключении за подпольную деятельность в интересах Советской России. С 1940 по 1941 г. был представителем Литовской ССР при Совнаркоме СССР. В 1942–1944 гг. в качестве сотрудника Консульства СССР в Нью-Йорке занимался поддержкой борьбы компартии США против эмигрантских кругов Литвы, занимавших антисоветскую позицию. С 1944 по 1948 г. занимал должность народного комиссара и после реформирования Наркомата – министра иностранных дел Советской Литвы. С 1949 по 1950 г. был ответственным секретарем Союза писателей Литовской ССР, затем был назначен заместителем председателя Вильнюсского облисполкома. С 1956 по 1962 г. возглавлял Общество дружбы с зарубежными странами в Литве.

⁴³ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Арестованной КАРСАВИНОЙ Ирины Львовны От 12 марта 1948 г. // Дело Карсавиной. Ч. 1. Л. 11.

с существовавшими тогда очень строгими правилами кадрового отбора. И все же поведение Ротомскиса, скорее всего, не было частью ювелирно просчитанной операции: в размеренный ход серой повседневности ворвались романтические чувства, – между Павлом Игнатьевичем и Ириной Львовной возникли взаимные симпатии.

Перед отъездом в Париж на конференцию весной 1946 г. министр *сам* предложил Ирине Львовне передать письмо ее родной сестре Марианне⁴⁴, жене еще одного основателя евразийства, Петра Сувчинского⁴⁵. Происходило это общение при свидетеле – заместителе министра иностранных дел Ротомскиса, т. е. в полном пренебрежении к более чем возможным обвинениям:

Он спрашивал, может ли он быть для меня чем-нибудь полезным в Париже? Он едет туда через Москву на конференцию и просит меня зайти к нему вечером в МИД. Ротомскис взял мое заявление и обещал передать его по назначению, а потом сказал: «Я думаю, что вы написали письмо своей сестре». Я ответила, что написала, но не решалась сообщить ему об этом. Министр попросил передать ему не запечатанное письмо и пообещал повидать мою сестру в Париже и вручить ей письмо лично⁴⁶.

⁴⁴ Там же. Л. 12. Еще раз упомянуто в документе: Председателю Совета Министров СССР Маленкову от Карсавиной Ирины Львовны ЖАЛОБА. 13 декабря 1954 г. // Дело Карсавиной. Л. 159.

⁴⁵ *Сувчинский Петр Петрович* (1892–1985), музыкальный критик, пианист, один из трех основоположников евразийского движения. Из южнорусского рода графов Шелига-Сувчинских, окончил Петербургский Императорский университет (предположительно, историко-филологическое отделение). Ученик Феликса Блуменфильда (фортепиано, композиция), издатель журналов «Музыкальный современник» и «Мелос», после эмиграции в 1920 г. организовал Российско-Болгарское книгоиздательство в Софии, на базе которого возник первый евразийский кружок, переросший в евразийское движение. Издатель и главный редактор всех евразийских сборников («Евразийский временник», «Евразийская хроника»), журнала «Версты» и газеты «Евразия». Руководитель Парижской евразийской группы. Друг С. Прокофьева, Б. Асафьева, И. Стравинского, имел переписку почти со всеми значимыми интеллектуалами, писателями, поэтами, композиторами, философами своего времени, преимущественно из России и Франции.

⁴⁶ И.А. Арефьева цитирует документ с названием «Формуляр И.Л. Карсавиной “Одиночка”», к настоящему времени отсутствующий в Пакете, приложенном к уголовному делу Ирины Львовны. См.: *Арефьева И.С.* «Дело» Ирины Львовны Карсавиной...

Расчеты терпеливых кураторов из НКВД/МГБ заполучить благодаря секретному наблюдению за Карсавиным «крупную рыбу», существенный результат если и оправдались, то неожиданным образом: признаков получения разведанных и даже намеков на продолжение контактов в ответном письме парижских родственников не было⁴⁷. Но вместе с платьем, шарфом, духами и карандашом для губ Ротомскис привез для Ирины Львовны три журнала “Les Temps Modernes” («Новые времена») ⁴⁸, в октябре 1945 г. организованного Ж.-П. Сартром. Именно их получение, хранение и «распространение» впоследствии фигурировали в качестве эпизодов обвинительных постановлений в отношении всех троих – Ирины Львовны, Льва Платоновича и Василия Эмильевича Сеземана.

Все статьи этих журналов были тщательно переведены для НКВД/МГБ, и по ним были получены письменные заключения за подписью экспертов – преподавателей вильнюсских высших учебных заведений. Вот цельный и характерный отрывок, характерный для всех рецензий и позволяющий судить о степени содержащейся в них идеологической крамолы и тяжести обвинений по ст. 58 УК РСФСР⁴⁹:

Данный номер журнала открывается передовой «Материализм и революция», автором которой является редактор журнала Жан-Сартре.

В своей статье САТРЕ старается доказать, что материализм душист революционную идеологию.

⁴⁷ К 1946 г. П.П. Сувчинский давно потерял интерес к политической деятельности и был озабочен исключительно веяниями новых музыкальных ветров, своими непростыми отношениями с С.С. Прокофьевым (1891–1953). Еще раньше Сувчинский написал для композитора либретто «Кантаты о Ленине» и черновик либретто к «Кантате к двадцатилетию Октября» и др. [Колобова 2009, с. 59–63].

⁴⁸ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Арестованной КАРСАВИНОЙ Ирины Львовны От 12 марта 1948 г. // Дело Карсавиной. Л. 153 об.

⁴⁹ Копия с перевода преподавателя французского языка Вильнюсского университета *Янушевского* (инициалы не установлены) отпечатана крайне небрежно, с пропусками кавычек в начале или конце цитирований, что делает невозможным разделение оценочных суждений рецензента и непосредственного журнального текста. См.: Краткий обзор журнала «Новые времена» № 10 за 1946 г., изданного в Париже // Пакет, приложенный к Делу Карсавиной. Л. 176-12, 176-13, 176-14.

Он в начале ставит вопрос, кто может быть революционером. Отказывая в таком наименовании представителям народов, борющихся за право своей национальной независимости (негры и евреи) (с. 2). Он не признает, также революционерами и участников революции 1848 г. во Франции, утверждая, что они боролись, только за свою национальную независимость, в борьбе же классово – ограничены.

Здесь автор выступает против своей идеи классовой борьбы, говоря, что все это изобретено мифом материализма (с. 5).

Так, как революция может достигнуть своей цели только тогда, когда пройдет ассимиляция господствующих и угнетаемых классов (с. 7).

При этом автор пытается утверждать, что творческим началом обладают, лишь представители господствующих классов, а рабочие с их точки зрения только «хорошо организованные животные» (с. 7).

Отсюда автор делает вывод, что материализм лишь вредит революции, так как марксизм создает для будущего – общество антифизическое, т. е. хочет построить такой общественный порядок, которым человеческие законы должны противоречить естественным законам природы» (с. 11).

Автор клеветает на К.МАРКСА уверяя, что МАРКС предчувствовал это, говоря о фразах коммунизма и заявляет, что ТРОЦКИЙ предвидел в своей идеи перманентной революции (с. 13).

Попутно автор утверждает, что современный рабочий почти механизм – человек одного движения, одного жеста (с. 15).

Автор пытается доказать, что материализм убивает всякую свободу в проявлениях человека, что материализм намечая поведение людей, строит это по ТЭЙЛОРОВСКОЙ системе, а потому много общего в концепции материалистов и их угнетателей (с. 20).

Всячески компрометируя марксизм, автор клеветает на французских коммунистов и в частности высмеивает одного из коммунистических публицистов ГАРОДИ, который будто бы настолько проникся верой в то, что жизнь развивается, лишь в силу законов экономики, что даже якобы сказал: «А какое мне дело до умственных способностей СТАЛИНА, я смеюсь над этим», намекая на то, что личность не играет никакой роли в истории (с. 25).

Он утверждает, что коммунисты ищут «не освобождения, а лишь укрепления дисциплины. Они больше не всего боятся свободы (26 с.).

Заявляя, что он состоит между идеализмом и материализмом автор утверждает, что революционное действие должно быть проведено в оппозиции материализму, который может способствовать, только разрушению общества, но не способен к строительству нового общества (28 с.)

В заключение своей статьи, говоря о коммунистах, автор пишет:

Лучшие из них молчат, а молчание наполняют болтовней, какое мол дело нам идеологии, раз за нас думают вожди...

наша борьба, на борьбе идеалов, это социальная и политическая борьба людей с людьми. Они (т. е. коммунисты), правы конечно, если говорить о недавнем прошлом, но каких людей они будут воспитывать. Безнаказано нельзя воспитывать поколение на ошибочных понятиях.

Ужели наступит день, когда материализм окончательно задушит революционную мысль. Заканчивает этими словами свою явно контрреволюционную и антисоветскую статью САРБРЕ⁵⁰.

Журналы с таким содержанием испугали Ирину Львовну, и она не нашла ничего лучшего, как отнести все три номера Василию Эмильевичу Сеземану с просьбой спрятать у себя и никому не показывать⁵¹, потому что «боится хранить их у себя на квартире»⁵². Профессор журналы взял, но 20 ноября 1947 г. дал почитать два из них своему знакомому⁵³. Василий Эмильевич не догадывался, что его визави, отпрыск древнего дворянского рода, вероятнее всего, – опытный «источник Тургенев», специально информировавший НКВД/МГБ нем и Льве Платоновиче⁵⁴.

⁵⁰ Краткий обзор журнала «Новые времена» № 10 за 1946 г. изданного в Париже // Пакет, приложенный к Делу Карсавиной. Л. 176-12, 176-13. Орфография и пунктуация источника сохранена.

⁵¹ Протокол допроса Сеземана Василия Эмильевича 12 марта 1948 г. // Дело Карсавиной. Л. 134–135.

Эти сведения отражены и в других документах: См.: Уголовное (следственное) дело В.Э. Сеземана. Том 1. Vosylius Sezemano baudžiamoji byla / Lietuvos upratingasis archyvas. Tomas 1. (Особый архив Литвы). F. K.-1. Оп. 58, дело П-7713-ЛИ. К делу приложен пакет с надписью «Оперативные материалы». Пагинация документов в пакете тройная через дефис, выполнена карандашом с указанием номера одного из двух томов. Л. 19. Далее именуется «Дело Сеземана».

⁵² Заключение по уголовному делу № П-252655 от 6 апреля 1955 г. // Дело Карсавиной. Часть 2. Л. 168.

⁵³ МЕМОРАНДУМ Материалов на преподавателя Вильнюсского педагогического Института профессора – СЕЗЕМАНА В.Э / Пакет с надписью «Оперативные материалы». Дело Сеземана. Л. 35-1-23. Далее именуется «Меморандум Сеземана».

⁵⁴ Факт получения журналов «Тургеневым» совпадает с ответом В.Э. Сеземана: «Французские журналы, переданные мне КАРСАВИНОЙ читал у меня мой знакомый ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ Михаил

Факт получения французского журнала 29 февраля 1948 г. «Тургенев» отразил в своем очередном донесении:

Переходя к вопросу о передаче источнику СЕЗЕМАНОМ ЖУРНАЛА «Современный мир», источнику СЕЗЕМАН сказал, что получил журнал путем особой оказии, через одного человека. Говоря, что это крайне интересный журнал, позиции которого он разделяет. СЕЗЕМАН подошел к книжной полке и вынул номер журнала, который источнику и передал, сказал, что у него есть несколько экземпляров этого журнала⁵⁵.

Ранней осенью 1946 г., т. е. фактически незамедлительно по получении номеров “Les Temps Modernes”, Ирину Львовну внезапно уволили из университета, не считая нужным оглашать какие-либо причины⁵⁶.

Михайлович. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ в 1947–1948 годах бывал у меня на квартире, интересовался моей библиотекой. В начале 1948 года по его просьбе я ему дал два номера французского журнала “Новые времена” и он унес их с собой, затем через некоторое время возвратил. Больше я никому не давал читать имевшейся у меня антисоветской литературы». См.: ПРОТОКОЛ ДОПРОСА обвиняемого СЕЗЕМАН Василия Эмильевича от 6 октября 1950 года // Дело Сеземана. Л. 60 (Допрос продолжался с 22 час. 15 мин до 4 час. 00 мин. следующих суток).

Показательно, что после слов В.Э. Сеземана о получении журналов М.М. Туган-Барановским следователь не стал уточнять дополнительные сведения о нем, как он это делал всегда на предыдущих и последующих допросах при упоминании ранее не звучавшего имени.

Туган-Барановский Михаил Михайлович (1902–1986), представитель древнего дворянского рода, сын знаменитого русского, украинского ученого, «легального марксиста» М.И. Туган-Барановского. В начале 1920-х гг. был участником группы французских боевиков-эсеров, затем вступил в компартию Франции. Был выслан из страны в СССР в 1926 г. Написал и издал много романов и книг с рассказами, в том числе «За чертой (В дребнях эмиграции)» – издан в 1928 г.; «Начало дружбы. Хроника послевоенных дней», о Германии в 1939–1945 гг., издан в 1956 г., «Предраассветные сумерки» – о революции, издан в 1959 г. и др. В советских журналах и газетах публиковался под псевдонимом Свитязский.

⁵⁵ Меморандум Сеземана. Л. 35-1-23.

⁵⁶ Протокол допроса арестованной КАРСАВИНОЙ Ирины Львовны от 12. III. 1948 г. // Дело Карсавиной. Ч. 1. Л. 244.

Источники

- Арефьева И.С.* Дело «Алхимика» Карсавина // Живой колос с духовной нивы. Русские Литвы: история, культура, религия. 15.01.2007 – 28.10.2007. URL: <https://web.archive.org/web/20070115134144/http://www.kolos.lt/rassledovanija/index.html> (дата обращения 19 ноября 2023).
- Арефьева И.С.* «Дело» Ирины Львовны Карсавиной // Живой колос с духовной нивы. Русские Литвы: история, культура, религия. 17.01.2007. URL: https://web.archive.org/web/20070117142832/http://www.kolos.lt/rassledovanija/delo_iriny_karsavinoj.html (дата обращения 20 ноября 2023).
- Военному прокурору Литовского военного округа Республиканскому прокурору Литовской ССР Проф. Льва Платоновича Карсавина. 29.III.1948 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skygius (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 33.
- Карсавин Л.П.* Соч. Том VI. О началах. (Опыт христианской метафизики). Петербург: Scriptorium – МБРА: УМСА-Press, 1994.
- Карсавин Л.П.* О совершенстве // Богословские труды. 2004. № 39. С. 269–295.
- Письмо Л.П. Карсавина к жене Лидии Николаевне и дочери Сусанне. 21.02.1951 г. // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skygius. (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138, Ap. 88.
- Письмо Л.П. Карсавина к П.П. Сувчинскому. 7 июля 1926 г. // Дом русского зарубежья. Коллекция В. Аллоя. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 13–14.
- Уголовное (следственное) дело В. Сеземана. Том 1. Vasylius Sezemano baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas. Том 1. (Особый архив Литвы). F. К.-1. Оп. 58, дело П-7713-ЛИ.
- Уголовное (следственное) дело В. Сеземана. Том 2. Vasylius Sezemano baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas. Том 2. (Особый архив Литвы). F. К.-1. Оп. 58, дело П-7713-ЛИ.
- Уголовное (следственное) дело И. Карсавиной. I. Karsavinos baudžiamoji byla (Уголовное дело И. Карсавиной) / Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). F. К.-1. Оп. 58, б. П-7394 ЛИ (2 части).
- Уголовное (следственное) дело Л. Карсавина. L. Karsavino baudžiamoji byla / Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). F. К.-1. Оп. 58, б. П-11972-ЛИ.
- Povilas Rotomskis:* Lietuviškoji tarybinė enciklopedija, IX t. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1982, Том IX: Pintuvės-Samneris, 482 psl.

Литература

- Зубкова 2008 – *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 351 с.

- Зубкова 2009 – *Зубкова Е.Ю.* Национальное вооруженное сопротивление в Прибалтике. 1944–1949 гг. // Труды Института российской истории. 2009. № 8. С. 210–230.
- Колобова 2009 – *Колобова Ю.И.* «Кантата о Ленине» П. Сувчинского – С. Прокофьева в контексте евразийских исканий русской эмиграции // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2-1. С. 59–63.
- Кулешов 1995 – *Кулешов В.И.* Неожиданная встреча с Л.П. Карсавиным // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 173–178.
- Соколов 2015 – *Соколов М.В.* Евразиец пишет генералиссимусу. (По материалам архивно-следственного дела П.Н. Савицкого) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2012–2014 гг. М.: Модест Колеров, 2015. С. 496–542.
- Хоружий 2008 – *Хоружий С.С.* Русский философ в Литве: a case study // Русский мирь. 2008. № 1. С. 188–201.
- Lietuvos istorijos 2012 – Lietuvos istorijos mokslo patriarchui profesoriui vytautui merkiui atminti // Mokslo Lietuva, 2012, spalio, 10. URL: <http://mokslolietuva.lt/2012/10/lietuvos-istorijos-mokslo-patriarchui-profesoriui-vytautui-merkiui-atminti-2/> (дата обращения 30 октября 2023).

References

- Khoruzhii, S.S. (2008), “[Russian Philosopher in Lithuania: a case study]”, *Russkii mir*, no. 1, pp. 188–201.
- Kolobova, Yu.I. (2009), “ ‘Cantata about Lenin’ by P. Suvchinsky – S. Prokofiev in the context of the Eurasian search for Russian emigration”, *Herald of Vyatka State University*, no. 2-1. pp. 59–63.
- Kuleshov, V.I. (1995), “Unexpected meeting with L.P. Karsavin”, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 173–178.
- Lietuvos istorijos mokslo patriarchui profesoriui vytautui merkiui atminti (2012), *Mokslo Lietuva*, spalio, 10, available at: <http://mokslolietuva.lt/2012/10/lietuvos-istorijos-mokslo-patriarchui-profesoriui-vytautui-merkiui-atminti-2/> (Accessed 30 October 2023).
- Sokolov, M.V. (2015), “The Eurasian writes to the generalissimo. (Based on the materials of the archival and investigative case of P.N. Savitsky)”, *Issledovaniya po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik za 2012–2014 gg.* [Research on the history of Russian thought. Yearbook for 2012–2014], Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 496–542.
- Zubkova, E.Yu. (2008), *Pribaltika i Kremľ. 1940–1953* [Baltics and the Kremlin. 1940–1953]: *Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)*; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, Moscow, Russia.
- Zubkova, E.Yu. (2009), “National armed resistance in the Baltic States. 1944–1949”, *Proceedings of the Institute of Russian History*, issue 8, pp. 210–230.

Информация об авторе

Владимир И. Шаронов, кандидат педагогических наук, Западный филиал Российской академии государственной службы, Калининград, Россия; 236016, Россия; Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62; sharonovvi@gmail.com

Information about the author

Vladimir I. Sharonov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia; bld. 62, Artilleriiskaya Street, Kaliningrad, Russia, 236016; sharonovvi@gmail.com